

Ненормальные

Вирджиния подрезает розы и счастливо улыбается. Вчера Гарри сделал ей предложение, и она согласилась стать его женой. Навечно – и в горе, и в радости...

1949 год. Ещё свежа память о войне. Ещё идут политические споры о победах и поражениях. Дочь Николаса Харпера Вирджиния совсем ничего не понимает в политике, но ей очень нравится активист коммунистического союза молодых лесорубов Ванкувера, сын эмигрантов из Белоруссии Гарри Мацкевич. Гарри увлекается высокими и справедливыми идеями Ленина, а Джинни восхищается умным и мужественным Гарри. Она с волнением слушает его рассказы о загадочной стране рабочих и крестьян, победившей фашизм.

Они познакомились на одной из партийных вечеринок, куда юная Джинни пришла с подругой.

Вначале все посмотрели фильм о жизни рабочих в стране Советов. Полчаса жизнерадостные, довольные люди под бравурную музыку рассказывали о счастье строительства коммунизма, потом на экране появился посёлок советских лесорубов: новые красивые дома с палисадниками, в которых... Джинни внимательно вглядывалась, но никак не могла рассмотреть, что там такое растёт... А интересно было бы узнать, ведь Джинни и её сестра Элиза очень любят розы. В небольшом саду возле дома Харперов их много, и все соседи хвалят сестёр за прекрасные цветы... «Нет, это точно не розовые кусты», – заключила Джинни, так толком и не поняв, о чём же был сюжет из СССР.

После кино заиграл самодеятельный ансамбль лесорубов, и начались танцы. Высоченный красавец Гарри легко и нежно вёл в фокстроте маленькую хрупкую Джинни. Она восторженно глядела на него снизу вверх и думала, что пошла бы за ним на край света, если бы он позвал.

И он позвал.

Гарри пришёл к Николасу и попросил руки его дочери Вирджинии.

– Я люблю её, – сказал суровый лесоруб Мацкевич.

– А она тебя? – спросил не менее суровый лесоруб Харпер.

– Я люблю его! – воскликнула Вирджиния. – Я готова ехать за ним хоть на край света!

– Не надо на край, – ответил Гарри. – Мы поедем в самую счастливую страну в мире, в Советский Союз. Я обещаю тебе: у нас будут дом и сад, где ты посадишь цветы!

Гарри смотрел в карие глаза Джинни и верил в свою идею. Джинни смотрела в синие глаза Гарри и верила в него...

Через два года они уехали втроем: Гарри, Вирджиния и их восьмимесячный сын Давид.

На прощание Элиза срезала для сестры все розы в саду у дома Харперов.

Вирджиния с огромным букетом и Гарри с ребёнком на руках в окружении провожающих – эту фотографию Мацкевичи будут хранить особенно бережно: только на ней они отныне смогут видеть своих родных и друзей. И только на этой фотографии Вирджиния навсегда останется Вирджинией... В другой стране она получит другое имя.

... Всем прибывшим в тот день эмигрантам в советских паспортах записали одинаковые отчества, независимо от имён их отцов: женщинам – Васильевны, мужчинам – Петровичи. Так решили власти. И Джинни в новой жизни стала Евгенией Васильевной, а Гарри - Григорием Петровичем.

Семьи канадских коммунистов раскидали по СССР.

В Вологодской области, в посёлке лесхоза Бабаево Мацкевичи получили квартиру: две комнаты в деревянном бараке с промерзающими зимой углами и немного земли под огород.

Гарри устроился мастером на лесопилку, Джинни – нянечкой в детский сад. С ребяташками ей было легко и весело: она училась у них русскому языку, а они узнавали от неё английские слова.

Жителей Бабаево иностранцы потрясли до самых глубин их неласковых северных душ! Мацкевичи никогда не ссорились и не пили спиртного. Каждый день после работы Григорий надевал костюм, галстук, шляпу, Евгения – модное платье, туфли на каблучке. И они шли гулять, ведя за ручку нарядного сынишку. Приветливо здороваясь с соседями, выглядывающими из своих калиток, супруги с ребёнком проходили до конца все триста метров главной улицы Ленина и поворачивали обратно.

Манеры этой странной пары удивляли и смешили народ. Григорий прилюдно называл жену принцессой, нежно поддерживал под локоток, когда она перешагивала лужи, открывал перед ней двери, встречал с работы, подавал пальто. Но больше всего сельчан раздражало, что в палисаднике вместо картошки, которую здесь было принято сажать на любом свободном клочке земли, канадцы развели цветы.

– Ненормальные! Это сколь же можно было овощА нарОстить, а они баловством занимаются, – судачили одни.

– Зато как красиво! – восхищались другие и шли к Евгении Васильевне за клубнями и рассадой.

Через три года Джинни – Евгения Васильевна Мацкевич – внешне ничем не отличалась от местных женщин. Такие же натруженные руки, такая же

простая одежда, такой же двор с курочками и поросёнком, разве что цветов больше, чем у других. Георгины и астры, золотые шары и люпин, даже южные мальвы пышно росли возле барака Мацкевичей. Все они были прекрасны, но Джинни мечтала о розах. А Гарри по-прежнему мечтал о коммунизме во всём мире...

Через пять лет в семье родился второй сын – Сергей.

...По утрам иней припудривал цветы в палисаднике. В низком хмуром небе с тоскливым кликом пролетали на юг птичьи стаи. Джинни смотрела им вслед и разговаривала с ними. Она бредила по-русски и по-английски, обращаясь то к журавлям, то к мужу.

– Пневмония, – сказала фельдшерица. – Нужны антибиотики и хороший уход. А ещё лучше отправить в больницу.

Но Григорий Петрович не отдал свою принцессу в казенный дом. Он взял отпуск и ухаживал за детьми и больной женой с терпением и сноровкой хорошей сиделки. Чувство тревоги смешалось в его душе с чувством вины: Джинни простыла, когда он вёз её с новорожденным сыном из райцентра домой. Старенький лесхозовский УАЗик заглох на половине пути. Согревая малыша, оба родителя сняли с себя тёплую одежду, и пять часов ждали помощи.

Григорий даже насморк не подхватил, а Евгения слегла. В бесспамятстве она несколько раз повторила: «мамми», «Элайза» и «роуз»...

Однажды утром Григорий Петрович отвёл Давида в детский сад и уговорил соседку присмотреть за женой и младенцем. Потом выпросил у директора лесхоза машину («Нужно срочно купить в городе лекарство для жены!») и уехал на весь день. Вернулся поздно вечером с длинным, завернутым в мешковину свёртком.

Утром Григорий стоял на коленях у постели Евгении:

– Посмотри, что я тебе привёз. Это северные розы. Ты сможешь посадить их возле дома, но для этого надо обязательно выздороветь! Слышишь, принцесса?

Джинни улыбалась потрескавшимися от жара губами.

Саженцы не могли долго ждать. Через несколько дней Евгения Васильевна, укутанная в большой пуховый платок, сидела в палисаднике на перевёрнутом ведре и слабым голосом командовала Григорию Петровичу, как надо высадить розы и укрыть их на зиму. Она щурилась на солнце и представляла, во что превратятся весной эти колючие прутья...

В начале бурных 90-х вологодские журналисты прознали, что в послевоенные годы из Канады в СССР эмигрировали сотни семей коммунистов.

В Бабевский лесхоз, к «канадцам», жившим всё в том же деревянном бараке, зачастили корреспонденты. Семья Мацкевичей враз стала местной знаменитостью.

Журналисты разглядывали бедную обстановку чистой, уютной квартирки верного ленинца, портрет вождя пролетариата над кроватью и пожимали плечами:

– Из сытой Канады уехали в голодный Союз! Зачем?!

– Я верю в идею коммунизма, – отвечал Гарри.

– Я люблю своего мужа, – отвечала Джинни...

Директор одно из телеканалов решил организовать сенсацию: связался с коллегами в Ванкувере и пригласил посмотреть, как живут в России их земляки – эмигранты.

Медиа-бригада – корреспондентка из Канады, а с ней оператор, водитель и переводчица (на всякий случай) с областной студии – заполнила тихий дом Мацкевичей шумом и суетой.

Телевизионщики тянули провода, ставили свет, разглядывали белёную дровяную печь, старомодную обстановку и портрет Ленина на стене...

Впервые за сорок с лишним лет Джинни говорила с гостями на своём родном языке. Она вспоминала юность, Ванкувер, родных и растерянно улыбалась.

– Хотите вернуться? – спросила её канадская журналистка. – Мы вам поможем.

– Что я там буду делать без своего Петровича? – Евгения Васильевна нежно посмотрела на мужа, по-прежнему красивого, стройного, но совершенно седого. – И к кому ехать? Даже не знаю, остался ли кто в живых...

И тут появился «рояль в кустах»: видеописьмо от сестры Джинни.

С монитора телекамеры постаревшая Элиза рассказывала о себе, показывала свой двухэтажный дом, сад с розами, фотографии детей и внуков.

– Приезжай, Джинни, – звала она Евгению. – Я не представляю, какой ты стала. А у тебя есть дети, дом и розы?

– Да! – ответила Джинни телекамере. – Есть.

– Сейчас мы запишем ваш ответ, – засуетилась журналистка, подавая оператору знак начать съёмку с портрета пролетарского вождя.

– Нет, – возразила Евгения Васильевна. – Не надо. Не так.

Она быстро вышла из дома и через несколько минут вернулась обратно с охапкой цветов.

Джинни встала на фоне чисто выбеленной печи и, протягивая букет в камеру, сказала по-английски:

– Элиза! Я дарю тебе все свои розы, как это сделала ты, когда провожала нас с Гарри в СССР. Сейчас здесь уже нет СССР. Но здесь есть мой Гарри, наши дети, внуки, наш дом и сад. Я их люблю.

И Джинни опустила лицо в цветы, чтобы никто не увидел её слёз.

Гости пообещали передать видеозапись Элизе в Ванкувер и уехали. Букет они оставили на столе: ехать долго, цветы завянут...

В тот момент, когда Евгения Васильевна ставила розы в трёхлитровую банку с колодезной водой, пожилой водитель микроавтобуса сказал переводчице Лиле:

– Пока вы там крутились, я тут проехался по посёлку... Был здесь где-то лет двадцать назад, сюжет про передового директора лесхоза тогда снимали. Думаю: что же изменилось? Оказывается, картошку в палисадниках теперь не сажают, у всех цветы. Надо же...

– Овощи сейчас дешевле купить, чем вырастить, – рассеянно отозвалась девушка.

Она никак не могла решить, верить ей в идейную убежденность Гарри и безоглядную любовь Джинни или нет...

– Ненормальные какие-то, – тихо сказала сама себе Лиля и пожала плечами.